

УДК 94(4)"1914"
UDC
DOI: 10.17223/18572685/37/4

ПОГРОМ В ПЕРЕМЫШЛЕ 15.09.1914 г. И ЕГО ОТРАЖЕНИЕ В ПЕРИОДИКЕ

Е.Л. Кривочуприн

Украина, г. Харьков

E-mail: desconocido@yandex.ru

Авторское резюме

Погром в городе Перемышле, произошедший 15 сентября 1914 г., был составной частью кампании террора против реальных или потенциальных сторонников России. Его жертвами стали 44 человека, в подавляющем большинстве – крестьяне из соседних с городом сел. Все они были арестованы как «русофилы», без предъявления официальных обвинений. Австрийские военные власти не предприняли эффективных мер по поиску виновных, но массовая расправа осталась в памяти жителей города и края. Уже после войны она стала важной частью мартирологии австро-венгерского террора и упоминалась, главным образом, в периодике и изданиях русофильского лагеря. Также ей были посвящены некоторые литературные произведения. В 1936 г. усилиями деятелей русофильского лагеря в память жертв расправы был установлен монумент на кладбище Перемышля.

Ключевые слова: русины, Галиция, Перемышль, Австро-Венгрия, Первая мировая война, галицкие русофилы.

Massacre of Przemyśl 15.09.1914 and its reflection in the periodical

E.L. Krivochuprin

Kharkov, Ukraine

E-mail: desconocido@yandex.ru

Abstract

The massacre of Przemyśl which took place on September 15th, 1914, claimed 44 lives. It was a part of the campaign of terror against real or potential Russophiles in Galicia and Bukovina, launched by the government of Austro-Hungary. The majority of the victims

of the massacre were peasants from neighboring villages, arrested as «Russophiles». It worth noting, that there were no formal accusation laid against them. Austrian military authority of Przemyśl didn't take actions to do justice to the slaughterers. The massacre long remained in the memory of local inhabitants and received much coverage in media of post-war period, mainly in Russophile periodicals, as a part of commemoration in the memory of the victims of Austro-Hungarian repressions. Some writings were dedicated to it. However, the event was largely forgotten with the whole Russophile tradition of Galicia after the incorporation of Galicia into USSR in 1939.

Keywords: Rusins, Galicia, Przemyśl, Austro-Hungary, World War I, Galician Russophiles.

15 сентября 1914 г. в Перемышле произошло массовое убийство, жертвами которого стали 44 человека. Все они были крестьяне из соседних сел и обвинялись в «москвофильстве». Эту расправу обошли вниманием австрийские власти, однако на жителей города и края в целом она произвела неизгладимое впечатление, и память о ней хранилась десятилетия.

Террор, обрушившийся в 1914-1915 гг. на восточнославянское население Галичины и Буковины (в то время именовавшееся русинами либо украинцами и не имевшее единообразной самоидентификации), преследовал цель разгромить русофильское движение, устранить или нейтрализовать реальных и даже потенциальных сторонников России. Он включал в себя массовые аресты с высылками в специально созданные лагеря, заключение в тюрьмы, иногда – смертные приговоры. Частью террора являлись и самодеятельные расправы над русофилами или только заподозренными в русофильстве. Они упоминаются в основных сборниках документов, относящихся к тому времени. Как правило, инициаторами и исполнителями расправ выступали военнослужащие австро-венгерской армии, к которым иногда примыкало подвергнутое пропаганде местное население. Крупнейшей из подобных расправ было, вероятно, массовое убийство в городе Перемышль, случившееся 15 сентября 1914 г. Тогда среди бела дня и в присутствии множества свидетелей были варварски убиты 44 человека. В данной статье будут рассмотрены причины и обстоятельства расправы, а также ее отражение в народной памяти и публицистике последующих лет.

Говоря о массовом убийстве, невозможно обойти вниманием его предысторию. Перемышль в десятилетия, предшествовавшие войне, периодически укреплялся. Система оборонительных укреплений, которые постоянно перестраивались и совершенствовались по указаниям австрийского правительства, превратила его в одну из мощнейших цитаделей Австро-Венгрии. Кроме того, он был важным железнодорожным узлом. К началу сентября военные действия в

Восточной Галиции приняли неблагоприятный для австро-венгерских войск оборот (Галицийская битва), и они начали отступление по всему фронту. Значительная часть из них двигалась в направлении Перемышля, рассчитывая, что его мощная оборонительная система даст им некоторую передышку.

Следует заметить, что, вполне сознавая важность Перемышля как стратегического пункта, австрийское командование приняло своеобразные меры для его защиты, в первую очередь - почти полное выселение его русинского/украинского населения. Об этом упомянуто в том числе и в мемуарах тех лет. В этой связи особенно интересен «Дневник Хелены Яблонской», опубликованный Юго-Восточным институтом Перемышля в 1994 г. В этом оригинальном дневнике, который вела пожилая польская шляхтянка, пережившая войну и осаду в Перемышле, она в частности пишет: «Казнь за казнью, уже десятками вешают. Погибают и невинные. Всех русинов из Перемышля вывозят. И украинцам нет доверия. Арестовали многих» (Dziennik 1994: 41).

Запись датирована 4 сентября, всего за 11 дней до погрома. В это время уже был очевиден неблагоприятный для австрийских войск ход Галицийской битвы. Любопытно отмеченное противопоставление понятий «русины» и «украинцы». В этом контексте в польской публицистике и, видимо, в сознании рядовых галицийских поляков понятие «украинцы» использовалось не как этническое, а как политическое - так назывались активные сторонники партий украинского направления. Их оппоненты именовались либо «старорусины», либо «москалефилы», а название «русины» было общим этническим именем тех и других.

В уже «зачищенный» таким образом город 15 сентября 1914 г. ввели под конвоем большую партию крестьян окрестных сел, арестованных за «русофильство». Важно отметить, что ни одному из них не было предъявлено официального обвинения согласно австрийскому законодательству - по крайней мере, до сих пор подобных обвинений не обнаружено.

Конвой проводили по улице Дворского, когда неподалеку от пересечения ее с улицей Семирадского он столкнулся с отрядом регулярных войск (по-видимому, венгерских гонведов). Отряд без очевидной причины напал на конвоируемых крестьян, и произошла массовая расправа. Из 46 человек, находившихся в злополучном конвое, выжить удалось только двум. Один из них, Иван Махник, уроженец села Войтова, вспоминал случившееся так: «Уже от самой станции... нас обступила толпа, кричавшая: «Предатели москалефильские, из-за вас кровь льется!» и т. п. Они толкали нас, кидали камнями, а пани Мохнацкую кто-то пнул. Полиция нас совсем не

защищала... Под этими выкриками и ударами мы начали бежать. Откуда ни возьмись показались венгерские гонведы и остановили нас. Вдруг появился офицер на коне... который взмахнул саблей и раскроил голову одному из моих товарищей. Тогда солдаты тоже выхватили сабли и начали нас рубить...» (Копыстянский 1937: 20-22).

Сам Иван Махник выжил благодаря тому, что, будучи раненым, упал на землю и притворился мертвым. Другого выжившего звали Степан Борсук. Его воспоминания мало чем отличаются от свидетельств Махника: «Меня взяли жандармы из дому 14 сентября. Почему нас взяли и куда поведут, ни я, ни мои товарищи не знали... В Бакунчицах под Перемышлем велели выходить из вагона, и здесь только мы узнали, что нас арестовали за то, что мы «москвофилы»... Когда нас вели в Перемышль по какой-то улице, собравшаяся вокруг нас толпа бросала камнями, ругала нас изменниками, плевала на нас и била по лицу... Никто из жандармов нас не защищал. ...Но тут уже бросились на нас солдаты с обнаженными саблями и начали рубить... Увидел, как какая-то барышня упала на колени и сложила руки к молитве, а в то же мгновение солдат рубанул ее саблей по голове, так что кругом брызнула кровь, и она упала замертво; люди рассказывали, что это дочь священника из Войтковой» (Талергофский альманах 1924: 110).

Дочь священника из Войтковой звали Мария Мохнацкая. Она родилась в семье, известной стойкими русофильскими (или, как говорили тогда на Галичине, «твердо русскими») симпатиями. Впоследствии она стала одним из символов жертв австро-венгерского произвола, к ней и ее трагической гибели обращались историки австро-венгерского террора, например Глеб Соколович (Соколович 1923) или Василий Ваврик (Ваврик 1934).

Среди описывавших те события по горячим следам можно выделить статью в «Туркестанских известиях» за 1916 г. Ее автор И. Полянский был сыном достаточно известного в довоенные годы писателя и общественного деятеля Генриха Полянского, твердо стоявшего на русофильских позициях. Он был арестован и провел несколько месяцев в перемышльской тюрьме. После того как город был занят российскими войсками, вышел на свободу. Впоследствии он покинул Перемышль с отступавшей российской армией и оказался на территории Российской империи, в Средней Азии, где и описал резню в Перемышле. Много лет спустя, уже будучи в США, он отредактировал свои воспоминания и опубликовал их на страницах «Календаря Лемко-союза» за 1965 г.

В своей статье он пишет: «Рассказывали – когда первые удары гонведских шашек сзади посыпались на их головы... несчастные бросились бежать в тупик, спасать свою жизнь, но чернь погналась

за ними вдогонку и, вооруженная штыками, прикладами, кольями, шашками, револьверами, била отстававших. К несчастью, тупик не имел выхода!» (Полянский 1965: 75).

В этом тупике, по сообщению Полянского, почти все конвоируемые и нашли свою смерть, оказавшись в ловушке. Впрочем, он, хотя и находился в тот момент в городе, не был свидетелем расправы, что несколько снижает ценность его сообщения.

Можно еще привести рассказ упоминавшейся уже Хелены Яблонской, которая, впрочем, тоже не была свидетельницей и пересказывала слухи, блуждавшие по городу: «Боже, Боже мой, только что возвратился К. Рассказывает ужасные вещи. Около пяти пополудни вели конвой москалефилов, 46 человек, среди них семь женщин полунинтеллигенции. Драгуны наезжали им на спины, толпа поливала бранью. Вдруг одна молодая девушка вытащила револьвер и застрелила драгуна. [Тогда] кинулись на всех. Саблями, топорами, палками, кулаками валились наземь. Подошли еще с деревянными брусьями и так их били, что ошметки мозгов летели на прохожих, а кровь забрызгала стены. Остались кучи трепещущего, дымящегося мяса...» (Dziennik 1994: 42).

Этот жуткий рассказ отражает слухи, возникшие в городе. Достоверность его проверить не представляется возможным, хотя некоторые логические вопросы возникают: например, почему вооружена оказалась молодая девушка, как револьвер не заметили при аресте (наверняка с обыском), и зачем она его достала в минуту, когда это значило верную смерть? Однако версия о «выстреле из пистолета», видимо, имела некоторое распространение, поскольку вопрос об этом задавался во время расследования.

Здесь важным является и еще один момент – у австрийских властей города оказались на руках свидетельства выживших. Как минимум, один из них – Иван Махник – был вызван в полицию из госпиталя, где он находился, и там выслушали его рассказ. По-видимому, его спрашивали о том самом револьвере в руках у молодой девушки, потому что он особо подчеркнул, что «никто из нас, в том числе и пани Мохнацкая, не стрелял» (Lasocki 1929: 246).

Итак, показания по меньшей мере одного выжившего оказались в руках австрийских властей города Перемышля. Однако эффективных мер для розыска и наказания виновников резни предпринято не было. В работе Ласоцкого приводится краткий рапорт на польском языке полицейской команды Перемышля (взят из полицейского архива). Там коротко сообщается, что, когда конвой проводили мимо улицы Семирадского, он был «атакован группой солдат разных родов войск...». Указывалось на то, что «кто-то из солдат узнал в

арестованных крестьянах тех, кто стрелял в военный патруль и убил двух или трех драгунов». По-видимому, вопрос о стрельбе задавали в полиции и Махнику, поскольку он заявил, что через его Войтову «никаких войск не проходило» (Lasocki 1929: 248).

Кроме этого очень формального следствия, военное командование Перемышля не предприняло никаких действий для наказания виновных в самосуде. В 1917 г., после «потепления» внутривойсковой обстановки в Австро-Венгрии, перемышльский староста Ляникевич обращался в Вену с просьбой хоть как-то помочь семьям погибших. Так, он писал: «Возмущает то, что, не считая доклада комиссариата полиции к начальству крепости и прокуратуре, никто и пальцем не пошевелил, чтобы хотя бы создать видимость, что что-то делается [для осуществления правосудия]. Случилось мне в феврале 1916-го выслушать одного из оставшихся в живых – волосы дыбом встали» (Lasocki 1929: 248).

Полное отсутствие каких-либо свидетельств о судах над виновниками произошедшего в дальнейшем дает основания считать, что они остались совершенно безнаказанными.

Жертвы расправы были захоронены на окраине Перемышля в братской могиле без опознавательных знаков. В краткий период российской власти захоронение было найдено, в память о погибших проведен молебен, однако дальнейших мер по увековечиванию памяти принято не было, так как российские войска и администрация были вынуждены покинуть город из-за контрнаступления австро-венгерских войск.

Уже в 1930-е гг. перемышльская газета «Український Бескід» упоминала о том, что «украинская общественность» Перемышля в 1918 г. обсуждала вопрос о воздвижении памятника жертвам, однако из-за начавшейся украино-польской войны (т. е. войны между ЗУНР и возрожденной Речью Посполитой) эта идея не была воплощена (Український Бескід 1).

Между тем память о побоище продолжала жить в среде галицкой интеллигенции, придерживавшейся русофильских (или, как в междувоенный период начали все чаще говорить, «старорусинских») взглядов. Это, в общем-то, было неудивительно, учитывая, что все убитые крестьяне были обвинены именно в русофильстве. В прессе и изданиях русофильского направления регулярно появлялись материалы, касавшиеся этого события (можно назвать для примера статью Глеба Соколовича, помещенную в «Русском голосе» (Соколович 1923), подробный рассказ о линчевании приведен в первом же выпуске «Талергофского альманаха» (Талергофский альманах 1924). Иногда появлялись и литературные произведения, посвящен-

ные трагедии. К ним, например, относятся стихотворения «Слезы бабуся» Стефана Федорички (Федоричка 1935) и «Сорока чотиром (пам'яті перемішльських героїв)» авторства некоего Сулима (Сулим 1936). Размещение этих произведений в периодике русофильского характера однозначно указывает на убеждения их авторов.

Что касается изданий украинского направления, то эта тема (как и тема австро-венгерского террора вообще) не пользовалась в них большой популярностью. Из посвященных непосредственно перемышльскому погрому нам известна только статья в газете «Український вістник», опубликованная перемышльским судьей Романом Дмоховским в 1921 г.

Между тем, в начале 1930-х гг. перемышльский Талергофский комитет поставил перед собой цель провести торжественное перезахоронение жертв расправы на главном кладбище города и возвести в память о них монумент. Сбор денег продолжался несколько лет. Само торжественное перезахоронение состоялось 30 июня 1936 г. Это событие вместе с предысторией было подробно описано в специальной брошюре, автором которой был Адриан Копыстьянский – историк и публицист, твердо стоявший на галицко-русских позициях. Помещая подробный рассказ о самом избиении, сопровождаемый документами, он подчеркивает, что перезахоронение состоялось под флагами галицко-русского движения. Тела 44 жертв были перезахоронены в братской гробнице возле входа на центральное кладбище города (Главное кладбище, польск. Główny cmentarz). Над гробницей был поставлен массивный деревянный крест на деньги местного крестьянина Василия Терендия. Копыстьянский особо оговаривался, что над гробницей «в скором часі мусить стати величавий пам'ятник, двигнений усіліями всього русского народа» (Копыстьянский 1937: 18). Видимо, до сооружения памятника все-таки дошло дело еще до войны. До настоящего времени сохранилась гробница с каменным крестом, к которому прикреплены символический терновый венец и табличка с надписью на русском языке: «Братская гробница 44-х галицко-русских рабочих, крестьян и 15-летней гимназистки, зверски замученных австро-венгерскими гусарами в Перемышле 15.IX.1914. Вечная слава мученикам за Русь!» - далее перечислены имена погибших.

Данное мероприятие не осталось без внимания идеологических оппонентов. Выходившая в то время в Перемышле газета «Український Бескід», отражавшая точку зрения украинских националистов, посвятила этому событию две статьи – «Морд у Перемишлі» (Український Бескід 1) и «Над могилою братів» (Український Бескід 2). По сути, обе они представляли собой полемику с точкой зрения на эти

события, принятой в лагере галицких русофилов. В статьях категорически отвергались обвинения в соучастии в репрессиях в адрес украинофильского лагеря, акцентировалась национальная (венгерская) принадлежность палачей, и выражалось сожаление, что организаторы мероприятия (которых, среди прочего, называли «наші перемишльські «общеруси») столь подчеркнуто демонстрируют свою идеологическую позицию, отличную от украинской, и не желают выступать единым фронтом. В качестве примера приводился тот факт, что демонстранты категорически отвергли попытки представителей украинских организаций повязать на гробы с телами погибших желто-голубые ленты (Над могилою братів).

Как из брошюры Копыстьянского, так и из двух вышеупомянутых статей со всей очевидностью следует, что в Перемышле и округе на 1936 г. проживало не так уж мало сторонников галицко-русского направления, раз их сил хватило на организацию демонстрации.

Последующие события в корне изменили положение в крае. После краткого (1939-1941) пребывания в составе СССР и немецкой оккупации Перемышль, как и большая часть Надсанского региона, вошли в состав Польской Народной Республики. Большая часть русинско-украинского населения была переселена в УССР, многие из оставшихся подверглись полонизации.

В советский период тема австро-венгерского террора против населения Галичины затрагивалась сравнительно редко. Одна из публикаций, посвященных перемышльской трагедии, появилась на страницах «Русского голоса» - газеты, выходившей в Польской Народной Республике в годы постсталинского потепления (Мирович, 1958). Ее автором был Роман Мирович, участник галицко-русского движения, проживавший в межвоенный период в Перемышле.

В советских изданиях, насколько нам известно, специальных публикаций, относящихся к теме массового убийства в Перемышле, не появлялось.

Произошедший в центре города и в присутствии множества свидетелей перемышльский погром, унесший 44 жизни, стал, вероятно, самой массовой стихийной расправой на территории Галиции и Буковины в годы Первой мировой войны. В последующие два с половиной десятилетия память об этом событии стала важной составляющей мартирологии австро-венгерского террора, созданной и поддерживаемой сторонниками русофильского направления в межвоенный период.

ЛИТЕРАТУРА

Ваврик 1934 - *Ваврик В.Р.* Маша. Картина австро-мадьярського террора в 1914 году. Оттиск из: Временник. Львов, 1934.

Копыстьянский 1937 - *Копыстьянский Адриан.* Всенародний рускій памятник в г. Перемышле. Оттиск из календаря О-ва им. Качковського на 1937 г. Львів: Видане центр. Талергофського комітета. 24 с.

Полянский 1915 - *Полянский И.* Линч // Туркестанские ведомости. Ташкент, 1915. № 198.

Полянский 1965 - *Полянский И.* Линч в Перемышле // Карпаторусский календарь Лемко-союза на рок 1965. Нью-Йорк, 1965.

Мирович 1958 - *Мирович Р.Д.* В 44-ю годовщину Перемышльської трагедии // Русский голос. Варшава, 1958. №18.

Український Бескід 1 - Морд 44-х у Перемишлі // Український Бескід, Перемишль, 1936. № 25-29;

Український Бескід 2 - Над могилою братів // Український Бескід, 1936. № 27.

Соколович 1923 - *Соколович Глеб.* Кровавые годы. Картины ужаса, насилия и произвола австро-венгерской армии над русским народом Прикарпатья в 1914-1917 гг. Львов: Типографія Ставропигийського інститута подь управлінням Яськова, 1923. 96 с.

Сулим 1936 - *Сулим Т.Б.* Сорок чотиром. Память перемишльських героїв // Наука. Календарь на 1937 г. Львов, 1936.

Федоричка 1935 - *Федоричка Стеф.* Слезы бабуся. Памяти 46-и мучеников Перемышля // Земля і воля, 1935, № 16.

Талергофский альманах 1924 - Талергофский альманах. Вып. 1. Львов: Изданіе Талергофського комітета, 1924. 208 с.

Dziennik 1994 - *Dziennik z obleżonego Przemyśla.* Helena z Sefertów Jabłonska. Przemyśl, Południowo-wschódny instytut w Przemyślu, 1994, 271 s.

Lasocki 1929 - *Lasocki Z.* Polacy w austriackich obozach barakowych dla uchodzców i internowanych (Wspomnienia z czasów wojny swiatowej bylego posła do parlamentu austriackiego). Kraków, 1929. Nakladom autora. P. 246-248.

References

Vavrik 1934 - *Vavrik V.R.* Masha. Kartina avstro-mad'yarskogo terrora v 1914 godu. Ottisk iz: Vremennik [Masha. Description of austro-hungurian terror in 1914], L'vov, 1934 [in Russian].

Kopystyanskiy 1937 - *Kopystyanskiy Adrian.* Vsenarodniy ruskiy pamyatnik v g. Peremyshle. Ottisk iz kalendarya O-va im. Kachkovskogo na 1937 [All-people memorial in Peremishl], L'viv, 1937, 24 p. [in Ukrainian].

Polyanskiy 1915 - *Polyanskiy I. Linch*, Turkestanskije vedomosti, Tashkent, 1915, Nr 198 [in Russian].

Polyanskiy 1965 - *Polyanskiy I. Linch v Peremyshle*, Karpatorusskiy Kalendar' Lemko-Soyuza na rok 1965, N'yu-York, 1965 [in Russian].

Mirovich 1958 - *Mirovich R.D.* V 44-yu godovshchinu Peremyshl'skoy tragedii, Russkiy golos, Varshava, 1958, Nr 18 [in Russian].

Ukrains'kiy Beskid 1 - Mord 44-kh u Peremishli, Ukrains'kiy Beskid, Peremishl', 1936, Nr 25-29 [in Ukrainian].

Ukrains'kiy Beskid 2 - Nad mogiloyu brativ, Ukrains'kiy Beskid, 1936, Nr 27 [in Ukrainian].

Sokolovich 1923 - *Sokolovich Gleb*. Krovavye gody. Kartiny uzhasa, nasiliya i proizvola avstro-vengerskoy armii nad russkim narodom Prikarpat'ya v 1914-1917 gg. [Bloody years. Picture of horror, violence and tyranny of the Austro-Hungarian army on the Russian people Transcarpathia during 1914-1917], L'vov, 1923 [in Russian].

Sulim 1936 - *Sulim T.B.* Sorok chotiirom. Pam'yat' peremishl'skikh geroiv, Nauka, Kalendar' na 1937 g., L'vov, 1936 [in Russian].

Fedorichka 1935 - *Fedorichka Stef.* Slezy babusi. Pamyati 46-i muchenikov Peremyshlya, Zemlya i volya, 1935, Nr 16 [in Russian].

Talergofskiy al'manakh 1924 - Talergofskiy al'manakh. L'vov: Izdanie Talergofskago komiteta, 1924, 208 p. [in Russian].

Dziennik 1994 - Dziennik z oblezonego Przemyśla. Helena z Sefertów Jabłonska. Przemyśl, Południowo-wschódny instytut w Przemyślu, 1994, 271 p. [in Polish].

Lasocki 1929 - *Lasocki Z.* Polacy w austriackich obozach barakowych dla uchodzców i internowanych (Wspomnienia z czasów wojny swiatowej byłego posła do parlamentu austriackiego). Kraków, 1929. Nakladom autora. 311 p. [in Polish].

Кривочуприн Евгений Леонидович - журналист, писатель, Харьков, Украина.

Krivochuprin Evgeniy - journalist, writer, Kharkov, Ukraine.

E-mail: desconocido@yandex.ru